

LITERATURE OF THE EAST

Theory of literature. Textology

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА

Теория литературы. Текстология

Оригинальная статья

Филологические науки

УДК 82-141:091(=811.222.1)+004.91

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1360-1378

Об авторстве поэмы «Ушшак-наме» с точки зрения академического востоковедения и новейших компьютерных технологий

Владимир Альбертович Дроздов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
v.drozdov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2509-4598>*

Аннотация. Поэма *Ушшак-наме* Фахр ад-дин 'Ираки (610–688 / 1213–1289) – первое поэтическое сочинение на тему мистической любви в персидской литературе. Авторство 'Ираки в отношении этой поэмы никогда не оспаривалось исследователями. Однако английский востоковед Дж. Болдик в 1973 г. поставил под сомнение авторство 'Ираки в отношении этой поэмы. Статья подробно рассматривает доводы Дж. Болдика как с точки зрения контекста создания поэмы, так и с использованием методов новейших компьютерных технологий, в частности стилеметрии. Аргументы Болдика касаются как исторической и религиозной обстановки, в которой жил 'Ираки, так и особенностей его художественного творчества, в первую очередь поэмы *Ушшак-наме*. В статье показано, что компьютерный метод может быть использован для изучения особенностей стиля персидской поэзии и установления авторства сомнительных персидских сочинений. Далее приводится экспертное заключение, выполненное Артемом Шелей на основе стилеметрических методов для установления авторства поэмы *Ушшак-наме*. Если результаты анализа исторического и религиозного контекста поэмы могут служить подтверждением авторства 'Ираки и опровержением гипотезы Болдика, то результаты стилеметрического анализа пока не дают однозначного ответа на вопрос о том, кто является ее автором.

Ключевые слова: мистическая любовь; иранский суфизм; суфийская литература; персидская средневековая литература; персидские сочинения на тему мистической любви; подлинность средневековых сочинений; стилеметрия; использование компьютерных технологий в определении подлинности восточных текстов

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00187 «Атрибуция памятников персидской и афганской средневековой поэзии методами цифровой стилеметрии»).

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дроздов В. А. Об авторстве поэмы «Ушшак-наме» с точки зрения академического востоковедения и новейших компьютерных технологий // *Ориенталистика*. 2020. Т. 3, № 5. С. 1360–1378. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1360-1378.

Original article

Philology studies

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1360-1378

The authorship of the poem 'Ushshaq-nama from the prospect of academic orientalist studies and modern computer technologies

Vladimir A. Drozdov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
v.drozdov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2509-4598>

Abstract. The poem 'Ushshaq-nama by Fakhr ad-Din 'Iraqi (610–688 / 1213–1289) is the first poetical writing on the subject of mystical love in Persian literature. 'Iraqi's authorship of this work has never been questioned by researchers. However, the English orientalist J. Baldick 1973 cast a doubt on 'Iraqi's authorship of this poem. The article examines in detail the arguments of J. Baldick both from the point of view of the context of the creation of the poem, as well as the methods of the latest computational methods, in particular stylometry. Boldik's arguments concern both the historical and religious context in which 'Iraqi lived and the peculiarities of his works, primarily the poem 'Ushshaq-nama. The paper demonstrates that this computational method may be used for the study of the features of the style of Persian poetry and the confirmation of the authorship of doubtful Persian writings. Further expert decision full-field by Artjoms Šeļa based on stylometric methods for the establishment of the poem 'Ushshaq-nama is expounded. While the results of the analysis of the historical and religious contexts of the poem may serve as confirmation of the authorship of 'Iraqi and the refutation of the Baldick hypothesis, the results of the stylometric analysis do not give an unambiguous answer to the question of its authorship.

Keywords: love, mystical; Iran, Sufism; literature, Sufi; literature, Iran, medieval; love, mystical, artistic representation of; science, computer, stylometry; science, computer, texts, authorship of

Acknowledgments. The research was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) (№ 20-012-00187: "Attribution of the medieval poetical works from Iran and Afghanistan using digital stylometry).

For citation: Drozdov V. A. The authorship of the poem 'Ushshaq-nama from the prospect of academic orientalist studies and modern computer technologies. *Orientalistica*. 2020;3(5):1360–1378 (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1360-1378.

Введение

Знаменитый персидский поэт-суфий XIII в. Фахр ад-дин 'Ираки (610–688 г. х. / 1213–1289) является автором стихотворного *Дивана* объемом в 4808 бейтов, поэмы о мистической любви *Ушшак-наме* («Книга

влюбленных»), а также прозаического трактата *Лама'ат* («Блистания») – комментария на философское сочинение *Фусус ал-хикам* («Геммы мудрости») андалусского мистика Ибн 'Араби (560–638 г. х. / 1165–1240). Кроме этого, до нас дошло житие 'Ираки, написанное неизвестным автором вскоре после смерти поэта, и словарь суфийских терминов, составленный либо самим 'Ираки, либо кем-то из его современников с целью объяснения смысла его мистических стихотворений, прежде всего газелей.

Впервые в персидской литературе 'Ираки написал суфийскую поэму на тему мистической любви *Ушшак-наме*, ставшую поэтическим выражением и обобщением жанровой формы *ушк-наме* («книга любви»), представленной до нее суфийскими прозаическими трактатами. В поэму включены 19 газелей, а состоит она из 10 глав, в каждой из которых раскрывается какой-либо аспект мистического учения. В рассказах поэмы описывается страстная любовь мистика к Богу через красивого человека и оправдывается практика созерцания человеческой красоты как отражение вечной божественной.

Теоретические части поэмы состоят в основном из обращений к божественному возлюбленному и общего восхваления любви. Поэма посвящена главному вазиру монгольских Ильханов, управлявшему Ираном, Малой Азией, частью Индии и Сирии, Сахиб-дивану Шамс ад-дину Джувайни (правил 661–683 г. х. / 1263–1284, убит в ша'бан 683 / октябрь 1284 г.) и написана, возможно, между 680 и 683 г. х. / 1281–1284 гг. Объем поэмы в издании А. Арберри 1058 бейтов [1], в издании С. Нафиси – 1064 бейта [2, с. 323–370]. Непосредственное же влияние на поэму 'Ираки оказал первый в персидской литературе прозаический трактат о психологии мистической любви *ас-Саваних фи-л-'ушк* («Откровения о любви») Ахмада Газали (ум. 520/1126). О знакомстве с этим трактатом и об оказанном им влиянии 'Ираки пишет в начале своего прозаического трактата *Лама'ат* [2, с. 372]. Поэма *Ушшак-наме* 'Ираки стала образцом, которому следовали многие поэты, писавшие на персидском и турецком языках.

Полемика с Дж. Болдиком относительно авторства 'Ираки

То, что 'Ираки – автор поэмы *Ушшак-наме*, считалось в мировой иранистике бесспорным фактом; об этом сообщалось в средневековых персидских антологиях, а также в научных трудах западных, русских, советских и иранских исследователей. Лишь современный английский иранист Дж. Болдик в статье «Подлинность *Ушшак-наме* 'Ираки» поставил под сомнение авторство 'Ираки в отношении этой поэмы [3]. Первый аргумент против авторства 'Ираки этот ученый усматривает в сообщении французского библиографа-ориенталиста Э. Блоше. Последний, будучи составителем каталога восточных манускриптов и внося в него копию *Дивана* 'Ираки, нашел заметку переписчика рукописи. В ней рассказывалось о поэте 'Ата'и, который не имел успеха в торговле холстом на база-

ре Дуката и поэтому ушел в мечеть этого города и составил тысячу посредственных бейтов, которые он приписал 'Ираки. Поэт же из дружбы к 'Ата'и позволил включить их в свой *Диван* [4, с. 175]. Болдик указывает на недостаток достоверных списков XIV в. поэмы *'Ушшак-наме* и отсутствие упоминания о ней в анонимном житии 'Ираки, включенном в его *Куллийат*. Замечу, однако, что рассказов о составлении поэмы 'Ата'и и о приписывании ее 'Ираки больше нигде не зафиксировано, а в житии поэта отсутствует перечисление всех его произведений.

Болдик приходит к выводу, что поэма посвящена Шамс ад-дину Джувайни, а не вазиру монгольских ханов Са'д ад-дину Саваджи (казнен Улджайту Ханом в 711/1312), как предполагал Арберри [1, с. 69]. Поэтому датой смерти поэта он считает 688/1289 г., а не 709/1309, как это зафиксировано у Даулат-шаха (ум. 896/1490-91). Болдик подробно рассматривает деятельность покровителя 'Ираки, фактического правителя малоазиатской Сельджукской империи после монгольского вторжения Му'ин ад-дина Парване [3, с. 71]. Парване был брошен в тюрьму по подозрению в связях с египетскими мамлюками и казнен в раби' ал-аввал 676 / август 1277 г., а спустя некоторое время Шамс ад-дин был послан в Малую Азию и одной из его задач было конфисковать имущество Парване [2, с. 59].

Болдик далее отмечает, что дервиши-каландары были представителями оппозиции монгольскому правлению, а 'Ираки принадлежал к кругу, руководитель которого, крупный персидский суфийский поэт Джалал ад-дин Руми (604–672 г. х. / 1207–1273), упрекал Парване за помощь монголам. «Многие члены этого круга были беженцами из стран, опустошенных вторгшимися армиями» [3, с. 73]. Исходя из этого, Болдик заключает, что 'Ираки не мог посвятить свой труд Джувайни – самому известному деятелю, сотрудничавшему с монгольскими оккупантами. 'Ата'и же – человек базара, ушедший в мечеть, а не в обитель, мог посвятить свою поэму Джувайни, ибо посетители мечетей отличались от суфийских факиров, противостоявших монгольскому правлению [3, с. 75].

Этот аргумент Болдика не кажется убедительным, ибо нет веских свидетельств в пользу того, что именно в обителях, а не в мечетях сконцентрировались силы сопротивления монголам. Почитателем Дж. Руми и 'Ираки был Парване, также сотрудничавший с монголами, и оба поэта не только терпели эмира, но и были с ним в самых близких отношениях. Великий персидский поэт Са'ди (ум. 690/1291), вряд ли восторгавшийся монголами, воспеваает в своих касыдах Джувайни [5, с. 240–241], который был к тому же его покровителем. Можно предположить, что великие поэты понимали, что как Парване, так и Джувайни своей деятельностью смягчали, как могли, деспотизм монгольских завоевателей. Именно благодаря таким политикам в Малой Азии, Фарсе и в некоторых других местах было гораздо спокойнее, там смогли найти убежище многие поэты и ученые, бежавшие от монголов, и была сохранена иранская культура.

Третий аргумент Болдика – это то, что ‘Ираки была полностью чужда идея панегирика светскому правителю: он посвящал свои касыды духовным руководителям или другим суфиям. Болдик в этом отношении сравнивает ‘Ираки с Дж. Руми, который не посвятил ни одного своего произведения правителю или политику, отдавая предпочтение только своим ближайшим друзьям [3, р. 74]. Отсюда маловероятно, что поэт является автором длинной главы с восхвалением Джувайни в *Ушшак-наме*. Но вряд ли из этого можно сделать вывод, что поэт вообще никому из светских правителей не мог посвятить свое произведение: нам мало известно об отношениях поэта с Сахиб-диваном, но хорошо известно, что Джувайни благосклонно относился к суфиям и своей деятельностью старался смягчить монгольский гнет.

Следующий аргумент Болдика против авторства ‘Ираки – это восхваление во вводной части поэмы четырех праведных халифов, а шииты, к которым, по мнению Болдика, принадлежал ‘Ираки, как известно, не признают первых трех халифов. Болдик указывает на пренебрежительную антишиитскую полемику в этой части поэмы [2, с. 327, бейты 4896–4903], в то время как ‘Ираки происходил из района, где шиизм был особенно сильным, и ссылается на житие поэта, согласно которому отец поэта во сне видит четвертого халифа ‘Али ибн Аби Талиба (годы правления 35–40 г. х. / 656–661), предсказавшего величие его сыну [2, с. 48], и на отсутствие просуннитских или антишиитских чувств в *Диване* и *Лама‘ат* ‘Ираки. Наставник же поэта Садр ад-дин Кунави (ум. 673/1274) был другом влиятельного шиитского мистика из суфийского ордена кубравийя Са‘д ад-дина Хамуйи (587/1191, или 595/1198, –650/1252) [3, с. 74–75].

Далее Болдик пишет: «У ‘Ата’и – другой случай: легко вообразить человека базара, который решает жить в мечети, будучи фанатичным суннитом. И тогда понятна поддержка с его стороны таких политиков, как Шамс ад-дин Джувайни и его брат ‘Ала’ ад-дин ‘Ата’ Малик (ум. 682/1283), которые оправдывали монгольское вторжение как необходимое для защиты ортодоксального ислама от атак шиитских экстремистов» [3, с. 75].

Обратимся к известной статье «Кубравийя между суннизмом и шиизмом в восьмом и девятом веках хиджры» французского ученого М. Моле [6]. Исследователь замечает, что к моменту монгольского завоевания Персия в большинстве своем – суннитская [6, с. 65, 69], а в VI в. х. / XII в. шафиизм¹ преобладает в Персидском Ираке, т. е. в той местности, откуда происходит ‘Ираки. Здесь же высказывается мысль, что подчинение власти монголов было для шиитов менее серьезно, чем для суннитов [6, с. 69].

Еще В. А. Гордлевский указывал, что в Малой Азии устои правоверия подрывались проникавшими под маркой ислама религиозными тече-

¹ Шафиизм – один из четырех канонизированных суннитских толков (мазхаб – богословско-правовая школа) наряду с ханафизмом, маликизмом и ханбалитством.

ниями, дервишско-шиитствующей пропагандой, суфиями и сейидами [7, с. 203–204]. После падения Сельджукидов шииты, за спиной которых всегда скрывались антимусульманские движения и которые были загнаны исламом вглубь, подняли в Малой Азии голову. Монгольское нашествие открыло им дорогу в Малую Азию, и сунниты были этим смущены [7, с. 213]. И 'Ираки, будучи шиитом, как утверждает Болдик, должен был бы быть доволен монголами, а не выступать против них и их пособников, таких как Джувайни и Парване. Моле подчеркивает, что проалидские симпатии заметны у основателя суфийского ордена кубравийа Наджм ад-дина Кубра (540–618/1145–1221) и более сильны у его учеников [6, с. 70]: согласно традиции, Кубра был шафиитом, а отрывки из его трудов указывают, что Кубра был суннитом [6, с. 71, 73–74]. В первом поколении учеников Кубра суннизм кажется доминирующим, и проблема ставится только Са'д ад-дином Хамуйей, который, согласно шиитскому автору Нураллаху Шуштари (засечен до смерти в 1019/1610 г.), вроде бы был шиитом [6, с. 74]. «Исповедуя внешне шафиитский мазхаб, Хамуйа мог поддерживать шиитские доктрины. Отец и сын Хамуйи были шафиитами» [6, с. 75]. Можно заключить, что доктрина Хамуйи не является определенно шиитской [6, с. 76]. Таким образом, нет оснований утверждать, что Хамуйа, друг Садр ад-дина Кунави, одного из учителей 'Ираки, был шиитским мистиком. Отмечая некоторые отклонения суннитских позиций в шиитском смысле у Кубра [6, с. 105], Моле подчеркивает примат четырех праведных халифов у Наджм ад-дина Кубра и его учеников – 'Али ибн Шихаб ад-дина ал-Хамадани (714–786 / 1314–1385) [6, с. 114] и 'Ала' ад-даула ас-Симнани (659–736/ 1261–1336) [6, с. 105].

В заключение ученый пишет, что, согласно суннитскому суфизму с проалидскими симпатиями Кубра, мы имеем открытый и терпимый суннизм у Симнани, суннизм, смешанный с экстремистскими шиитскими идеями тарика, у Хамадани, открытый шиизм Мухаммада ибн Мухаммада ибн 'Абдаллаха Нурбахша (795–869 / 1393–1465) [6, с. 137].

Таким образом, влияние Хамуйи, ученика Кубра, через Садр ад-дина Кунави на 'Ираки, даже если оно имело место, не могло привести поэта к отрицанию четырех праведных халифов, а как раз их восхваление в поэме вполне закономерно. К тому же официально Сельджукиды были суннитами и соблюдали предписания веры [7, с. 199]. Надо еще учесть, что какой бы независимый характер ни имел поэт, он не мог не считаться с существовавшими реальностями средневекового Востока и полностью выражать свои взгляды. Поэтому он мог соблюсти форму и, посвящая свою поэму Джувайни, включить в нее главку с восхвалением праведных халифов. Добавлю, что ни в дошедших до нас сведениях об 'Ираки, ни в его творчестве нет указаний на его проалидские или просуннитские симпатии. К суннизму, так же как и к умеренному суфизму Мухаммада

ал-Газали (450–505 / 1058–59–1111), 'Ираки, судя хотя бы по легендам в поэме *Ушшак-наме* и газелям, относился отрицательно, но не обязательно полностью его отрицал.

Поэтому появление во введении поэмы главы с восхвалением четырех праведных халифов вполне объяснимо: ведь если поэт не был фанатичным суннитом и относился с симпатией к шиитам, то это еще не значит, что он был шиитом. Труднее представить дружбу, о которой говорит Болдик, между [якобы] шиитом 'Ираки и фанатичным суннитом 'Ата'и, ради которой 'Ираки позволил 'Ата'и включить в свой *Диван* поэму *Ушшак-наме* под именем 'Ираки [3, с. 68].

Пятый аргумент исследователя – слабость стиля маснави в поэме по сравнению с лирическими стихотворениями и трактатом *Лама'ат* 'Ираки. Болдик видит в поэме неуклюжести в рифмах, являющиеся грубыми ошибками, критикует Арберри и С. Нафиси за высокую оценку художественных достоинств поэмы. В данном случае мнение Болдика резко расходится с мнением всех исследователей, которые, признавая лирические стихотворения 'Ираки более совершенными, тем не менее высоко оценивали и поэму. Так, Арберри отметил, что поэма 'Ираки написана с легкостью, иногда с риторикой, характерной для него [1, с. XI]. Риттер назвал эту поэму прелестной (*reizvolle Werk*) [8, с. 99]. Бертельс же считал, что порывистость изложения иногда отражается на художественной отделке, но тем не менее в общем поэма крайне изящна [9, с. 434]. Ахуджа назвал поэму великим шедевром [10, с. 276], искусность маснави признавал С. Нафиси [2, с. 41], очаровательной определил поэму Ян Рипка [11; с. 255].

Далее Болдик сосредоточивается на сравнении газелей, включенных в *Ушшак-наме*, и газелей *Дивана* поэта по форме [3, с. 75–77]. Подробно рассматриваются «недостатки» всех 19 вставных газелей поэмы, в сравнении с газелями *Дивана* – по размеру, рифме, редифу, различным словам и выражениям, окончаниям строк, которые в поэме встречаются, а в *Диване* отсутствуют. Болдик видит в поэме «невдохновенные образы», «неуклюжие фразы», «слабые строки и рифмы», «несчастливые попытки удвоения внутренней рифмы», «редкие окончания газелей»; 13-я газель, по его мнению, вообще неуместна, так же, как 14-я и 19-я. Анализ формы газелей поэмы у Болдика представляется весьма тенденциозным и предвзятым.

Болдик, сравнивая газели *Дивана* с газелями поэмы *Ушшак-наме*, критикуя последние за низкое художественное качество и, наоборот, подчеркивая совершенство газелей *Дивана*, не заметил, что 9 вставных газелей поэмы из 19 имеются и в *Диване* 'Ираки, составленном С. Нафиси, а именно 1-я, 2-я, 7-я, 11-я, 14-я, 15-я, 16-я, 18-я и 19-я. Причем если семь из этих совпадающих газелей взяты из пятой и тринадцатой рукописей (согласно нумерации С. Нафиси), т. е. рукописей, содержащих, как следу-

ет из их описания, стихотворный *Диван* и поэму *'Ушшак-наме*, а значит, появление в поэме газелей из *Дивана* можно объяснить ошибкой переписчика, то газели *Дивана*, совпадающие с 16-й газелью поэмы, найдены С. Нафиси соответственно во второй, пятой и тринадцатой рукописях, а с 18-й газелью – в десятой рукописи.

Вторая же рукопись представляет собой две антологии стихов, составленные соответственно в VIII и IX вв. х. / XIV–XV вв., а десятая рукопись также является антологией стихов, созданных в VIII в. х. / XIV в., и включает газели, следующие в порядке размера, рифмы и редифа, т. е. поэма *'Ушшак-наме* в них отсутствует. Поэтому говорить об ошибке переписчика, случайно перенесшего газели *Дивана* в поэму, в последнем случае не приходится. Налицо факт принадлежности совпадающих газелей *'Ираки*, что также является доказательством авторства *'Ираки* в отношении самой поэмы.

Болдик отвергает предположение С. Нафиси о том, что жанровая форма *Дах-наме* («Десять писем») берет свое начало в поэме *'Ушшак-наме*, исходя из определения этого жанра, данного в статье Т. Ганджеи [12]. Последний определяет *Дах-наме* по композиции как поэму в форме маснави, написанную размером хазадж и пересыпанную газелями. Это по форме как обмен десятью письмами между влюбленным и возлюбленной, так и десять писем, адресованных возлюбленной [12, с. 65]. Первый пример такой формы композиции – поэма *Дах-наме*, или *Мантик ал-'ушшак* («Язык влюбленных»), Аухади Мараге'и (ум. 738/1338 г.).

Содержание поэм, сочиненных в форме *Дах-наме*, преимущественно эротическое, но эротический элемент соединен с панегирическим и мистическим элементами в соответствии с традицией персидской и турецкой лирики [12, с. 65]. Согласно этому определению поэма *'Ушшак-наме* («Книга влюбленных») *'Убайда Закани* (ум. в 772/1371 г.), написанная в 751/1350 г. и содержащая некоторые из отличительных черт *Дах-наме*, не может считаться принадлежащей этому жанру [12, с. 65]. Таким образом, по классификации Ганджеи, *'Ушшак-наме 'Ираки* не относится к жанровой форме *Дах-наме*, ибо, включая в себя десять глав и будучи написанной одним размером, правда, не хазаджем, а хафифом, она не представляет собой переписки влюбленного и возлюбленной в десяти письмах. Кстати, в статье Ганджеи поэма *'Ираки* даже не упоминается. Определение жанровой формы *Дах-наме*, предложенное Ганджеей, не может считаться окончательно разработанным, ибо ряд суфийских *Дах-наме* выпадает из его поля зрения и повисает в воздухе. В то же время многие поэмы о мистической любви, представляющие собой жанровую форму *'ушк-наме* («книга любви»), нельзя отнести к виду поэм, определяемых Т. Ганджеей как *Дах-наме*.

Последним аргументом Болдика против авторства *'Ираки* является отсутствие в поэме следов теософии Ибн *'Араби*, поскольку некоторые

отрывки поэмы, излагающие мистическую философию, объясняются влиянием более ранних, чем Ибн 'Араби, теоретиков; учение же Ибн 'Араби в любом случае очень сложно, чтобы легко отличить его от учений предшественников. А отсутствие следов влияния Ибн 'Араби свидетельствует, по мнению Болдика, против авторства 'Ираки [3, с. 77].

Затрагивая трактат *Лама'ат*, исследователь отмечает, что язык и идеи трактата в высшей степени страстные, и ясно решительное влияние, оказанное Ибн 'Араби на 'Ираки через Садр ад-дина Кунави. *Лама'ат* представляет собой синтез философии Ибн 'Араби и традиции персидского учения *Fedeli d'amore*² [3, с. 78]. Анализируя данный аргумент, отмечу, что, во-первых, лишь незначительная часть творчества поэта испытала влияние учений Ибн 'Араби, поскольку, согласно житию 'Ираки, он познакомился с этой теорией, прибыв в Малую Азию, в Конью, когда, ему было за пятьдесят и когда уже большая часть его произведений была написана, а во-вторых, нужно ли было в художественном поэтическом сочинении отражать сложнейшую философскую систему Ибн 'Араби, ведь поэма *Ушшак-наме* – не мистико-философский трактат. К тому же такой трактат – *Лама'ат* – был уже написан 'Ираки, и поэт мог, не излагая учение Ибн 'Араби, сосредоточить основное внимание на суфийской практике созерцания (*назар*), суфийской любви, растворении, слиянии влюбленного с возлюбленным, выступающим одновременно и как божество, и как красивый человек. Последний аргумент Болдика тоже не убедителен.

В результате складывается впечатление, что Болдику во что бы то ни стало хочется доказать, что поэма *Ушшак-наме* выбивается из общего строя произведений 'Ираки и что выдающийся поэт не мог написать такой поэмы, хотя и у выдающихся мастеров всегда были более сильные и более слабые произведения. Общий вывод Болдика представляется спорным, и нужны более весомые аргументы для его подтверждения или опровержения.

Сложность в отношении оценки стиля как поэтических, так и прозаических средневековых персидских сочинений приводит к разногласиям даже среди самих иранских ученых. Показательно, что в иранистике до сих пор не решен вопрос о принадлежности прозаического произведения *Лава'их* («Проблески») выдающемуся персидскому мистическому философу 'Айн ал-Кудату ал-Хамадани (492–525/1098–1131). Иранский ученый Рахим Фарманиш, опубликовавший *Лава'их* в 1958 г. во введе-

² *Fedeli d'amore* (лат.) – «преданные в любви», или «верные влюбленные», – термин, употребляемый западными учеными по отношению к учению о мистической любви, получившему распространение в иранском суфизме с XII в. Особенностью этого учения является любовь к земной красоте как к необходимой ступени для посвящения в божественную любовь и лицезрения божественной красоты. Арабско-персидские эквиваленты этого термина: *'ашикан*, *'ушшак*, *мухиббун*, *арбаб ал-хава*.

нии к своей публикации [13], а также в своей книге, посвященной жизни и творчеству 'Айн ал-Кудата, утверждает, что с точки зрения стиля этот трактат очень близок к такому прозаическому произведению ал-Хамадани, как *Тамхидат* («Введения»), принадлежность которого ал-Хамадани никогда не вызывала сомнений [14, с. 100, 113–117, 167–199].

Другой иранский ученый и философ 'Афиф 'Усайран, в 1962 г. издавший арабские сочинения ал-Хамадани и его главное персидское сочинение – *Тамхидат*, в пространным введении утверждал, что сочинение *Лава'ух* не имеет отношения к ал-Хамадани, ибо по стилю отличается от всех его подлинных сочинений [15, с. 39–43]. То есть два крупных иранских ученых, живших и творивших в одно и то же время (50–70-е гг. XX в.), оба – носители персидского языка, в вопросе об особенностях стиля автора XII в. н. э. ал-Хамадани занимали диаметрально противоположную позицию.

Конечно, анализ стиля произведений без научной методики является субъективным и сводится к предпочтениям и вкусам того или иного исследователя. Количественные методы атрибуции, возможно, помогут объективно и достаточно быстро представить стилистические особенности того или иного автора, а сравнение языка образов, фигур сомнительного произведения с тем, подлинность которого бесспорна, позволит дать объективный ответ об авторстве сочинения и со временем ответить на ряд нерешенных вопросов мировой иранистики.

Поэтому и в вопросе о принадлежности поэмы *'Ушшак-наме* 'Ираки было бы полезно использовать новейшие компьютерные технологии для сравнения языка образов и художественных приемов, а также стилистических особенностей поэмы с другими его поэтическими произведениями, прежде всего с газелями, ибо авторство 'Ираки в отношении его *Дивана* никогда никем не подвергалось сомнению.

Для решения вопроса о стиле *'Ушшак-наме* в сопоставлении со стилем его *Дивана* есть смысл обратиться к новейшим компьютерным технологиям, и в частности к такой сравнительно недавно появившейся научной дисциплине, как стилеметрия (*stylometry*). Стилеметрия пытается определить различия в стиле количественным образом, понимая стиль как набор измеряемых признаков, которые демонстрируют уникальное поведение в различных текстах. Таких признаков много: это и длина слов, и длина предложений, и частота употребления тех или иных слов, и стихотворные признаки (ритм, рифма). Одной из областей применения стилеметрии является атрибуция авторства, демонстрация того, как авторская идентичность выражается в признаках текста.

Для установления авторства поэмы *'Ушшак-наме* по стилю необходимо сравнить ее стиль со стилем произведений поэта, подлинность которых не вызывает сомнений, а именно с его стихотворным *Диваном*. Для полноты эксперимента мы использовали три персидских поэмы, а имен-

но мистико-аллегорическую поэму *Мантик ал-ушшак* («Язык влюбленных»), или *Дах-наме* («Десять писем») (написана в 706/1306–1307 г.), объемом 515 бейтов замечательного персидского поэта Аухади Мараге'и (ум. в Мараге в 738/1338 г.), поэму *Ушшак-наме* («Книга влюбленных») (написана в 751/1350 г.) объемом около 720 бейтов знаменитого персидского поэта 'Убайда Закани (ум. 772/1371) и пятую главу, посвященную любви, объемом 520 бейтов из поэмы *Хадикат ал-хакика* («Сад истины») выдающегося персидского суфийского поэта Абу-л-Маджда Мадждуда ибн Адама Сана'и Газнави (ум. 535/1140, или 545/1150).

С просьбой провести эксперимент автор обратился к одному из ведущих специалистов в этой области, сотруднику Института польского языка (Краков) Артему Шеле (Artjoms Šeļa), который любезно согласился помочь в этом вопросе. Ниже приводятся результаты эксперимента, выполненного Артемом Шелей с использованием программного обеспечения R-Stylo [16].

Ушшак-наме: верификация авторства **Корпус**

В нашем распоряжении есть *Диван* 'Ираки, выборка газелей из *Дивана* и три поэмы других авторов, хронологически близких к 'Ираки. Проблема заключается в атрибуции поэмы *Ушшак-наме* 'Ираки: традиционно она не оспаривается, но существует предположение о принадлежности ее другому поэту. Размер доступных текстов (в словах) суммирован ниже в таблице (табл. 1). Самый короткий текст – это отрывок из поэмы Сана'и, всего 5861 слов. Он определяет верхнюю границу возможного объема выборок для экспериментов. Если мы берем равномерные две выборки из каждого текста, то каждая не должна превышать ~2900 слов. Только один из корпусов 'Ираки будет использоваться в каждом из экспериментов.

Таблица 1. Корпус

Tabl. 1. Corpus

title	n
Диван 'Ираки / Divan of 'Iraqi	60836
Газели 'Ираки / Ghazals of 'Iraqi	38448
«Мантик ал-ушшак» Мараге'и / Mantiq al-'Ushshaq of Maraghe'i	6236
«Хадикат ал-хакика» Сана'и (5 глава) / Hadiqat al-Haqiqa of Sana'i (Chapter 5)	5861
«Ушшак-наме» Закани / 'Ushshaq-namah of Zakani	7943
'Ушшак-наме (исследуемая) / 'Ushshaq-namah	10640

UMAP-проекция (исследование общих отношений между текстами)

Возьмем три независимых случайных выборки по 1800 слов из каждого корпуса, 200 самых частотных слов и посмотрим на структуру их отношений в двумерном пространстве – с помощью уменьшения размерности UMAP (Uniform Manifold Approximation Projection) [17] (рис. 1).

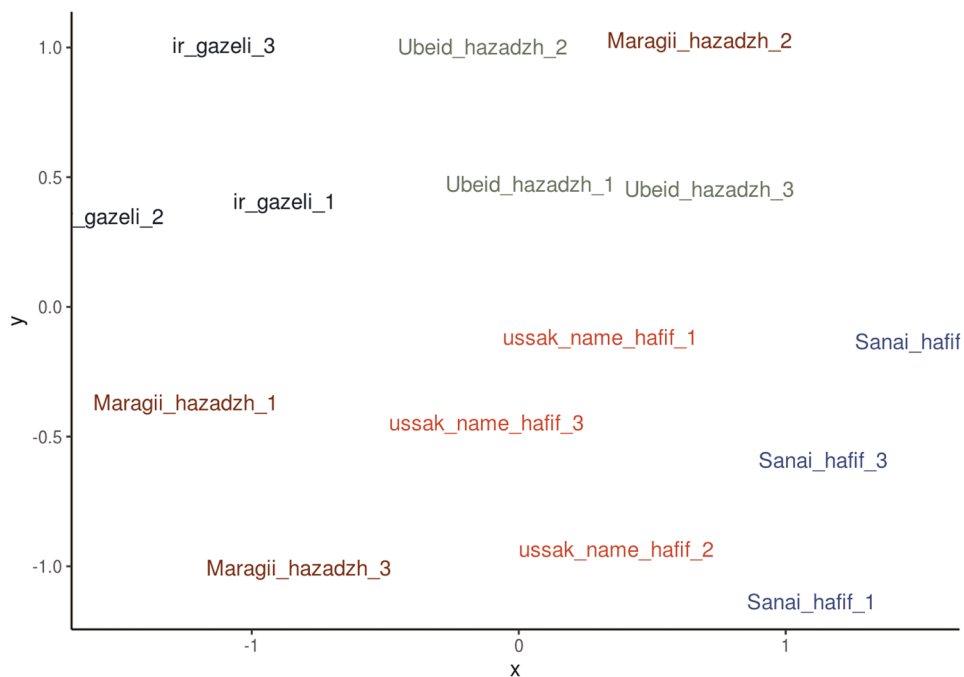

Рис. 1. UMAP-проекция

Fig. 1. Uniform Manifold Approximation Projection

Проекция на двумерную плоскость показывает, что в целом отношения между выборками из одного автора сохраняются даже при небольших объемах. 'Ушшак-наме, однако, не демонстрирует особой близости к 'Ираки и формирует отдельную группу, или же его сигнал «разбивается» (повторение эксперимента с новыми случайными выборками может варьировать картину). UMAP также позволяет увидеть глобальные, метрические, отношения между текстами: хафиф и хазадж тяготеют к формированию стабильных глобальных кластеров – возможно, за счет малого объема текстов.

Кластеризация и консенсус

Для начала проведем серию «прямых» экспериментов по атрибуции.

1. Набор признаков (от 50 до 200 самых частотных слов).
2. Для каждого набора признаков возьмем по две выборки по 2500 слов из каждого «кандидата» и всего одну – из *Ушшак-наме*, чтобы ослабить внутренний сигнал поэмы и посмотреть на кластеризацию.
3. Между всеми выборками рассчитываются косинусные расстояния и строится кластеризация.
4. Для каждого набора признаков это повторяется 100 раз.
5. На основе получившихся деревьев строится одно «консенсусное» дерево, которое отражает «стабильные» соединения ветвей, получающиеся, по крайней мере, в 50% деревьев.
6. В результате у нас получаются четыре дерева, показывающие доминирующие кластеры для каждого «среза» признаков (50, 100, 150, 200 самых частотных слов) (рис. 2)

Деревья показывают, что «подлинный» авторский сигнал достаточно стабильно улавливается в данных экспериментальных условиях. Мы видим, что *Ушшак-наме* стабильно не атрибутируется ни к одному автору, более того, даже общий кластер с *Ираки* поэма не формирует. «Высота», на которой она соединяется с другими авторами, – это высота неавторского сигнала (две выборки из одного автора соединяются «ниже»).

Разоблачение

Финальный эксперимент представляет собой нечто среднее между методами «самозванцев» [18] и «разоблачения» [19]. Как обычно, при верификации авторства нам нужно понять, как ведут себя выборки из одного автора, и как ведет себя текст с сомнительным авторством относительно них. Одновременно мы хотим знать, насколько стабильны отношения у выборок из одного автора при подвижных признаках.

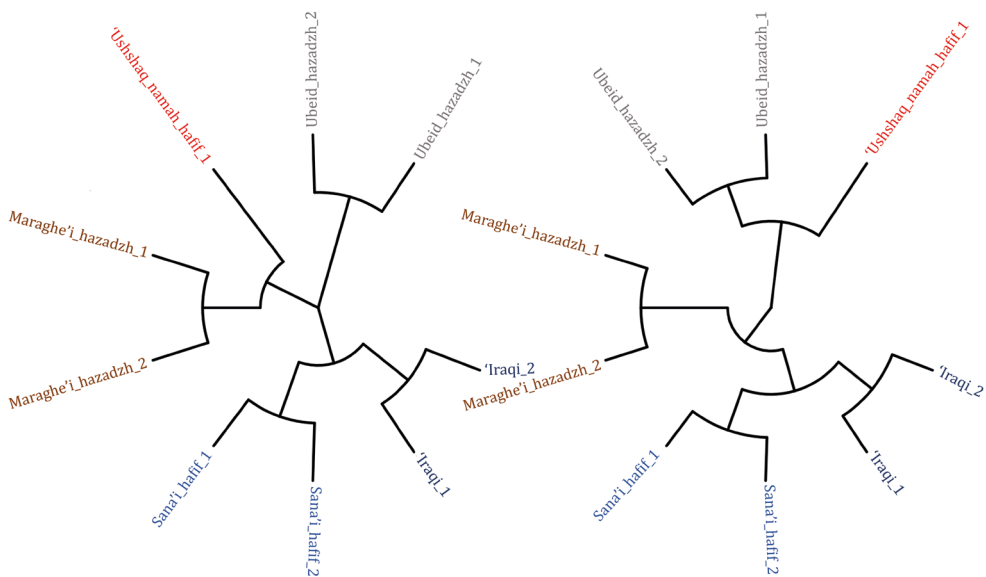
Мы используем простой алгоритм классификации по ближайшему соседу для этого: ближайший сосед текста A-1 записывается как подлинная классификация. Мы ожидаем, что ближайшими соседями текста A-1 будут всегда (или часто) выборки A-2 (тот же автор). Одновременно мы записываем «ближайшего» соседа для *Ушшак-наме*, чтобы сравнить результаты с классификациями из «того же» автора.

Классификация повторяется 10 000 раз на 200 самых частотных слов, при этом в каждой классификации случайно убирается от 1 до 195 случайных признаков из векторов, чтобы нарушить вероятные «структурные» закономерности в корпусе. Результаты представлены ниже в «матрице ошибок» (табл. 2). Все колонки таблицы – это «подлинные клас-

Кол-во признаков 50 / Number of tokens 50

Кол-во признаков 100 / Number of tokens 100

Кол-во признаков 150 / Number of tokens 150

Кол-во признаков 200 / Number of tokens 200

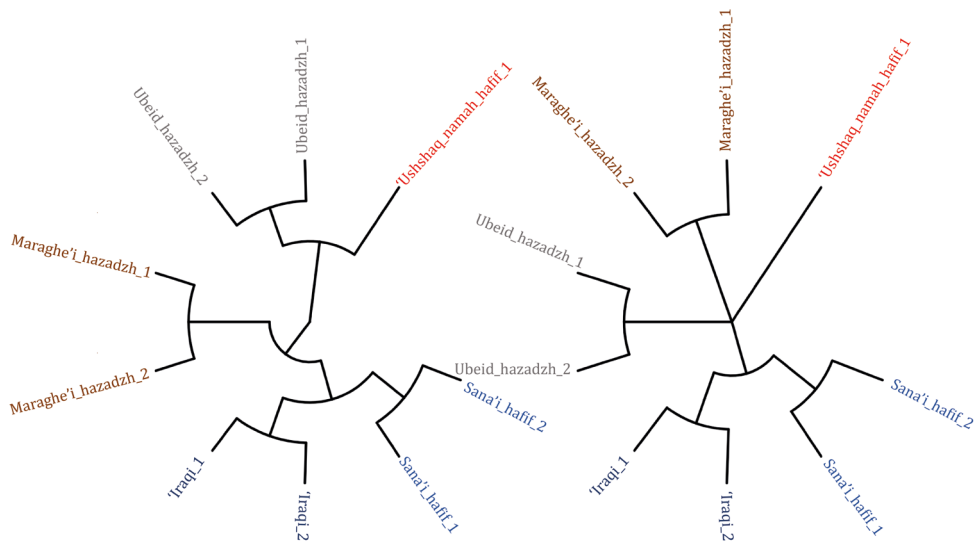

Рис. 2. Результаты кластерного анализа

Fig. 2. Clustering

сы», относительно которых измеряется ближайший сосед, а строки – это «предсказанные» классы, результаты, классификации.

Таблица 2. Матрица ошибок

Tabl. 2. Confusion matrix

	‘Ираки (газели) ‘Iraqi (ghazals)	Marage’и Maraghe’i	Сана’и Sana’i	Закани Zakani	‘Ушшак-наме ‘Ushshaq-namah
‘Ираки (газели) / ‘Iraqi (ghazals)	73.92	5.15	4.58	11.25	16.30
Marage’и / Maraghe’i	3.90	82.12	2.31	2.52	43.58
Сана’и / Sana’i	17.31	8.80	89.07	21.27	3.19
Закани / Zakani	2.47	1.53	1.64	62.56	34.53

Чтобы лучше понять результаты, посмотрим на колонку «‘Ираки (газели)». В 73% случаев (т. е. в 7300 экспериментов из 10 000) выборка из ‘Ираки оказалась ближайшим соседом к другой выборке из ‘Ираки, в 17% случаев соседом был Сана’и, в двух процентах – ‘Убайд. При в целом невысокой точности поведение двух выборок из «настоящего» ‘Ираки предсказуемо. Это справедливо не только для ‘Ираки, но и для всех остальных авторов. Мы вновь видим, однако, что никакой стабильной атрибуции ‘Ушшак-наме не демонстрирует и не ведет себя, как, скажем, третья выборка из доступных кандидатов.

Заключение

Результаты верификации авторства на основании частотных слов не дают нам оснований говорить о какой-либо близости поэмы ‘Ушшак-наме и корпуса стихотворений ‘Ираки. Эта поэма ведет себя так, словно подлинного автора нет среди доступных кандидатов. Мы используем небольшие выборки, поэтому в результатах сохраняется некоторая доля неопределенности, однако даже небольшие выборки сохраняют стабильные отношения между доподлинно известными авторами. Не исключена возможность какой-то глубинной структуры, искажающей результаты (жанровой, тематической, метрической), однако, чтобы внести необходимые корректировки в эксперимент, необходима теория, которая бы предполагала и объясняла подобную возможность.

А. Шеля заключает, что проведенный им эксперимент не позволяет говорить о близости поэмы ‘Ушшак-наме к корпусу стихотворений ‘Ираки, составляющих его *Диван*, подлинность которого никогда не вызыва-

ла сомнений. В качестве материала для эксперимента, помимо предполагаемой поэмы 'Ираки, использовано три поэмы в форме маснави Аухади Мараге'и, 'Убайда Закани и Сана'и Газнави. Во всех поэмах (у Сана'и – пятая глава его поэмы *Хадикат ал-хакика*) представлена тема любви: мистической ('Ираки, Аухади Мараге'и, Сана'и) и земной, с использованием мистических образов ('Убайд Закани). С точки зрения истории развития персидской литературы исследуемые поэмы являются близкими по времени написания: Сана'и – XII в., 'Ираки – XIII в., Аухади Мараге'и и 'Убайд Закани – XIV в. В поэтическом наследии 'Ираки, кроме *Ушшак-наме*, нет других поэм – и в этом также сложность для компьютерного эксперимента, ибо понятно, что лучше сравнивать стиль однородных жанровых форм. Поэтому, несмотря на безусловную подлинность *Дивана* 'Ираки, согласно стилеметрическому эксперименту, получается, что по стилю поэма *Ушшак-наме* одинаково удалена от *Дивана* 'Ираки, как и поэмы других авторов. Этому может быть два объяснения: либо, согласно стилеметрическому анализу, «подлинного автора нет среди доступных кандидатов», и необходимо расширить их количество для проведения дальнейших экспериментов, либо при таком анализе для получения надежного результата критически необходимо сравнивать тексты одного жанра.

В приведенном компьютерном эксперименте мы видим три вида соотношений: 1) сравнение однородных жанровых форм нескольких поэтов – поэмы 'Ираки, Аухади Мараге'и, 'Убайда Закани, Сана'и; 2) сравнение различных жанровых форм у разных поэтов: с одной стороны – *Диван* 'Ираки, с другой – поэмы Аухади Мараге'и, 'Убайда Закани, Сана'и; 3) сравнение различных жанровых форм, возможно, одного и того же поэта: исследуемая поэма *Ушшак-наме* и *Диван* 'Ираки, состоящий из стихотворений различных жанровых форм.

Но ведь и у одного и того же поэта стиль в разных жанровых формах может быть неодинаков. Так, по мнению лучшего знатока творчества 'Ираки, выдающегося иранского филолога Са'ида Нафиси, стиль в произведениях 'Ираки очень сильно отличается в зависимости от жанровой формы, о чем свидетельствует следующее высказывание ученого в предисловии к изданному им *Куллийату* («Полному собранию сочинений») Фахр ад-дина 'Ираки: «Фахр ад-дин 'Ираки в любовной возбуждающей (*шурангиз*) газели – один из самых великих авторов, писавших на персидском языке. И у него очень приятное (*ширин*) и возбуждающее радость (*тарабангиз*) объяснение любви, что ставит его в один ряд с величайшими авторами. Безусловно, он был более искусен в газели, а затем в тарджи'бандах и руба'и, чем в других видах поэзии, а затем в касыдах и в последнюю очередь – в маснави. Поэтому его маснави уступает (*насттар*) другим видам его поэзии. Всегда в газели его считали непревзойденным мастером» [2, с. 41]. Иными словами, согласно Нафиси, нет единства в стиле подлинных стихотворений 'Ираки: на первое

место иранский филолог ставит газели, затем следуют тарджи'банды и руба'и, после них – касыды, таркиббанды и кит'а, и на последнем месте – маснави, то есть поэма *Ушшак-наме*.

Для того чтобы уйти от субъективных оценочных суждений по поводу особенностей стиля того или иного автора, необходимо выработать четкие критерии учета стилистических особенностей различных жанров (жанровых форм) персидской средневековой поэзии и найти, выражаясь словами А. Шели, какой-то важный структурный принцип при организации корпуса поэтических произведений. Не отказываясь от дальнейших стилеметрических исследований обсуждаемой поэмы, пока, по-видимому, нет достаточных оснований пересматривать общепринятый в мировой иранистике взгляд на 'Ираки как автора первой в персидской поэзии поэмы на тему мистической любви – *Ушшак-наме*.

Литература

1. Fakhri ad-Din 'Iraqi. *The Song of Lovers ('Ushshaq-nama)* / Arberry A. J. (ed. and transl.). London – New York: Published for the Islamic Research Association by H. Milford: Oxford University Press; 1939. xxii+84+100 p.
2. Фахр ад-Дин 'Ираки. *Куллият (Полное собрание сочинений)* / Са'ид-и Нафиси (ред.). Тегеран: Санаи; 1336/1957. 432 с. (На перс. яз)
3. Baldick J. The authenticity of 'Iraqi's 'Ushshaq-nama // *Studia Iranica*. 1973. Т. 2. Fasc. 1. P. 67–79.
4. Bloché E. *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale*. Т. III. No. 1161–2017. Paris: E. Leroux; 1928. 498 p.
5. Рипка Я. *История персидской и таджикской литературы*. М.: Прогресс; 1970. 441 с.
6. Molé M. Les Kubrawiya entre sunnisme et shiisme aux huitième et neuvième siècles de l'hégire // *Revue des études islamiques*. 1961. Т. XXIX. Cahier 1. P. 61–142.
7. Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. 1: *Исторические работы*. М.: Восточная литература; 1960. 551 с.
8. Ritter H. Philologica VII. Arabische und persische Schriften über die profane und die mystische Liebe // *Der Islam*. 1933. Bd. 21. S. 84–109.
9. Бертельс Е. Э. *Избранные труды*. Т. 3: *Суфизм и суфийская литература*. М.: Наука; 1965. 524 с.
10. Ahuja Y. D. Shaykh 'Iraqi's travels and his stay in Rum // *Islamic Culture*. 1959. Vol. 33, No. 4. P. 260–277.
11. Rypka Y. *History of Iranian Literature*. Dordrecht: D. Reidel; 1968. 850 p.
12. Gandjei T. The Genesis and Definition of a Literary Composition: The Dah-nama ("Ten love-letters") // *Der Islam*. 1971. Bd. 47. S. 59–66.
13. Абу ал-Ма'али 'Абдаллах ибн Мухаммад ибн 'Али ибн ал-Хасан ибн 'Али 'Айн ал-Кудат Мийанджи-йи Хамадани // *Рисале-йи Лава'их (Трактат «Проблемски»)* / Рахим-и Фарманиш (ред. и коммент.). Тегеран: [б. и.]; 1337/1958. 169 с. (На перс. яз)

14. Рахим-и Фарманиш. *Ахвал ва асар-и 'Айн ал-Кудат ал-Мийанджи ал-Хамадани (Жизнь и сочинения 'Айн ал-Кудата Хамадани)*. Тегеран: Афтаб, 1959. 17+386 с. (На перс. яз.)

15. 'Афиф-и 'Усайран. Мукаддама-йи мусаххих бар китаб-и Тамхидат (Введение редактора к «Тамхидат») // *'Айн ал-Кудат ал-Хамадани. Мусаннафат-и 'Айн ал-Кудат-и Хамадани (Сочинения 'Айн ал-Кудата Хамадани)*. 'Афиф-и 'Усайран (ред., введ., коммент, примеч.). Тегеран: Манучихри; 1341/1962. С. 1–192. (На перс. яз)

16. Eder M., Rybicki J. and Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis // *R Journal*. 2016, No. 8(1). P. 107–121.

17. McInnes L., Healy J., Melville J. UMAP: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction // *ArXiv:1802.03426 [Cs, Stat]*. 2020, September. – <https://arxiv.org/abs/1802.03426>

18. Kestemont M., Stover J. Koppel M. et al. *Authenticating the Writings of Julius Caesar // Expert Systems with Applications*. 2016. Vol. 63. P. 86–96.

19. Koppel M., Schler J. Authorship Verification as a One Class Classification Problem // *Proceedings ECML'04*. New York: Association for Computing Machinery; 2004. – https://www.researchgate.net/publication/221345794_Authorship_verification_as_a_one-class_classification_problem

References

1. Fakhr ad-Din 'Iraqi. *The Song of Lovers ('Ushshaq-nama)*, Arberry A. J. (ed. and transl.). London – New York: Published for the Islamic Research Association by H. Milford: Oxford University Press; 1939. xxii+84+100 p.

2. Fahr ad-Din 'Iraqi. *Kulliyat (The Complete Works)*. Sa'id-i Hafisi (ed.). Tehran: Sanaii; 1336/1957. 432 p. (In Pers.)

3. Baldick J. The authenticity of 'Iraqi's 'Ushshaq-nama. *Studia Iranica*. 1973;2(1):67–79.

4. Bloché E. *Catalogue of Persian Manuscripts in the National Library*. T. III. Paris: E. Leroux; 1928.

5. Rypka Y. *History of Persian and Tajik Literature*. Moscow: Progress; 1970. 441 p. (In Russ.)

6. Molé M. Les The Kubrawiya between Sunnism and Shiism in the eighth and ninth centuries AH. *Revue des études islamiques*. 1961;XXIX(1):61–142.

7. Gordlevskiy V. A. *Selected Works*. Vol. 1: *Historical Works*. Moscow: Vostochnaya literature; 1960. 551 p. (In Russ.)

8. Ritter H. Philologika VII. Arabic and Persian Manuscripts on the Profane and the Mystic Love. *Der Islam*. 1933;21:84–109.

9. Bertels E. E. *Selected Works*. Vol. 3: *Sufism and Sufi Literature*. Moscow: Nauka; 1965. 524 p. (In Russ.)

10. Ahuja Y. D. Shaykh 'Iraqi's travels and his stay in Rum. *Islamic Culture*. 1959;33(4):260–277.

11. Rypka Y. *History of Iranian Literature*. Dordrecht: D. Reidel; 1968. 850 p.

12. Gandjei T. The Genesis and Definition of a Literary Composition: The Dah-nama (“Ten love-letters”). *Der Islam*. Bd. 47. Berlin – New York, 1971, pp. 59–66.

13. Abu al-Ma'ali 'Abdallah ibn Muhammad ibn 'Ali ibn al-Hasan ibn 'Ali 'Ayn al-Qudat Miyanji-yi Hamadani. *Risala-yi lavayih (Treatise "Flashes")*. Rahim-i Farmanish (ed. and comment.). Tehran: [publisher unknown]; 1337/1958. 169 p. (In Pers.)

14. Rahim-i Farmanish. *Ahval va asar-i 'Ayn al-Qudat al-Miyanji al-Hamadani (Life and Works of 'Ayn al-Qudat al-Miyanji al-Hamadani)*. Tehran: Aftab; 1959. 17-386 p. (In Pers.)

15. 'Afif-i 'Usayran. Muqaddama-yi musahhah bar kitab-i tamhidat (Editor's Introduction to "Tamhidat"). *'Ayn al-Qudat al-Hamadani. Musannafat-i 'Ayn al-Qudat-i Hamadani (The Works of 'Ayn al-Qudat al-Hamadani)*. 'Afif-i 'Usayran (ed., introd., comment.). Tehran: Manuchihri; 1341/1962, pp. 1–192. (In Pers.)

16. Eder, M., Rybicki, J. and Kestemont, M. Stylometry with R: a package for computational text analysis. *R Journal*. 2016;8(1):107–121.

17. McInnes L., Healy J., Melville J. UMAP: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction. *ArXiv:1802.03426* [Cs, Stat]. 2020, September. – <https://arxiv.org/abs/1802.03426>

18. Kestemont M., Stover J. Koppel M. et al. Authenticating the Writings of Julius Caesar. *Expert Systems with Applications*. 2016;63:86–96.

19. Koppel M., Schler J. Authorship Verification as a One Class Classification Problem. *Proceedings ECML'04*. New York: Association for Computing Machinery, 2004. – https://www.researchgate.net/publication/221345794_Authorship_verification_as_a_one-class_classification_problem

Информация об авторе

Дроздов Владимир Альбертович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Vladimir A. Drozdov – Ph. D. (Philol.), Associate Professor of the Saint Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Chair of Iranian philology, Saint Petersburg, Russia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 ноября 2020 г.
Одобрена рецензентами: 29 ноября 2020 г.
Принята к публикации: 16 декабря 2020 г.

Article info

Received: November 22, 2020
Reviewed: November 29, 2020
Accepted: December 16, 2020